

после распада СССР в значительной мере является лишь способом подчеркнуть свою этничность, поэтому критерием межэтнического конфликта могут служить и межконфессиональные отношения. Необходимо иметь в виду и то, что в силу незнания фундаментальных истин ислама или христианства жители области (особенно молодежь) наиболее подвержены влиянию религиозного экстремизма.

Религиозная ситуация имеет общий тренд к усложнению. В основном это обусловлено активным вторжением новых религиозных течений, нарушивших исторически сложившийся этноконфессиональный баланс и обостривших межконфессиональную конкуренцию. Все это усложняет религиозную ситуацию, постепенно накапливая в межконфессиональных отношениях негативный потенциал.

*«Политологические и этноконфессиональные исследования в регионах»,
Барнаул, 2009 г., с. 275–280.*

Аскар Акаев,
первый президент Киргизстана,
иностраннный член РАН, профессор
КИРГИЗСТАН: СБЫЛИСЬ ЛИ ОЖИДАНИЯ?

Турбулентные события, за сравнительно короткий срок – с осени 2003 до весны 2005 г. – потрясшие Грузию, Украину и Киргизстан, вряд ли можно рассматривать как случайные. Они стали следствием серьезных трудностей, к тому времени проявившихся в постсоветском мире. Отчалив от обрушившейся в 1991 г. пристани под названием «тоталитаризм», большинство молодых независимых государств не смогли вовремя пришвартоваться к новой пристани – «демократии», продолжая дрейфовать в бушующем море. Первое постсоветское десятилетие с неизбежными для переходного периода острыми кризисными неурядицами (мало кто тогда их предвидел!) не принесли ощутимого поворота к лучшей жизни. Эйфорические надежды людей на быстрые позитивные перемены не оправдались. Нарастал внутренний ропот. Он сомкнулся с неприкрытым недовольством Вашингтона состоянием дел с развитием демократических процессов в новых независимых государствах. Из-за океана начался политический прессинг. В действие были приведены мощные рычаги по переустройству жизни на постсовет-

ском пространстве по заокеанским сценариям. Стимулировалось создание и укрепление оппозиционных движений. В их распоряжение были предоставлены крупные финансовые ресурсы, собственные электронные и печатные средства массовой информации. Стали мощно разрастаться – в основном за счет зарубежных спонсорских источников – институты гражданского общества, функционирование которых напрямую сопрягалось с непримиримой оппозицией.

«Цветные» революции как новая политтехнология захвата власти

Потребительским продуктом для общества, порожденным новым политическим механизмом с заокеанским пультом управления, стали так называемые «цветные» революции. Само определение «цветные» заранее предопределяет, что по своему внутреннему характеру они представляли не глубинный социальный феномен, а верхушечные явления, которые служат узким интересам стоящих за ними внутренних и внешних сил. В какой-то мере выглядит несостоятельной сама попытка именовать их «революциями» – как говорится, «и труба пониже, и дым пожиже». Интересы, о которых идет речь, всецело относятся лишь к захвату власти вплоть до силового устранения предшественников путем государственных переворотов. После мартовской (2005) «тюльпановой» революции в Бишкеке попытка применить «революционную» тактику использовалась, как известно, в узбекском Андижане. Дело закончилось кровавым побоищем. С тех пор шумиха вокруг «цветных» революций поутихла. Было бы, однако, иллюзией считать, что «цветная» революционная идеология исчезла, ушла в небытие. Похоже, вследствие явных провалов, с которыми в последние годы столкнулись «цветные революционеры» в Тбилиси, Киеве и Бишкеке, а также отзвуков андижанского кровопролития эта идеология заботливо – в предвидении будущего использования – законсервирована. Велика вероятность, что она может возродиться, очевидно, в ином обличье. Данный вопрос настолько в превентивном плане важен, что без обращения к его предыстории, по-видимому, не обойтись.

Линия на силовое вмешательство в дела других государств для продвижения собственных интересов в XX в. считалась чуть ли не естественным правом великих держав. В годы «холодной вой-

ны» США и СССР не отставали друг от друга в расширении зон влияния, в использовании в этих целях военной силы, методов политического контроля и идеологического влияния. После распада Советского Союза американские возможности по диверсификации методов внешнего влияния заметно расширились. Практика односторонних и групповых силовых акций была дополнена механизмом «гуманитарных интервенций», к которому подверстывалась концепция «ограниченного суверенитета». Характерно, что концепция «гуманитарных интервенций» была даже легитимирована Организацией Объединенных Наций. В обоих случаях – односторонних и групповых силовых акций, а также «гуманитарных интервенций» – достижение намеченных целей требует осуществления дорогостоящих массивованных военных действий с использованием вооруженных контингентов на односторонней или коалиционной основах. Все это сопровождается бомбардировками, наземными операциями, массовой гибелью военнослужащих и гражданского населения, большими материальными разрушениями, а также элементами падения морали, роста в мире политического и нравственного цинизма. Мировое сообщество в его части, не вовлеченной в соответствующие акции и воинственную риторику, на каждый случай внешнего вмешательства в дела суверенных государств реагирует, как правило, весьма негативно. Это отчетливо проявилось в вопросе о вторжении в Ирак. Исключением стала, пожалуй, лишь афганская антитеррористическая кампания конца 2001 г., приобретшая тогда широкое международное измерение и глобальную поддержку.

В наши дни на войну в Афганистане и Ираке мир стал смотреть другими глазами. В обоих случаях дело идет к краху военных акций США и их союзников с тяжкими глобальными последствиями для борьбы с международным терроризмом и афганским наркотрафиком. Велика при этом вероятность возвращения к господству в Афганистане сил средневекового клерикального типа.

Правомерность аналитического обобщения событий в Грузии, Украине и Киргизстане связана прежде всего таким фактом: эта «тройня» вышла из общей советской материнской утробы. Сами события генетически связаны еще и тем, что осуществлялись по сценариям из одного и того же заокеанского центра. Попытки представить дело так, будто в основе «тюльпановой» революции лежали лишь национальные корни, совершенно несостоятельны. Характерно, что в Вашингтон были заранее приглашены лидеры

киргизской оппозиции, и речь там шла, разумеется, не о тьян-шанских туристических достопримечательностях. Группа оппозиционных активистов из Киргизстана побывала в Грузии и Украине с целью ознакомления с «революционным» опытом. Из центра Европы через Украину и Грузию новая политтехнология по эстафете перекинулась в Центральную Азию.

При общих генетических чертах и внешней схожести «революционных» процессов в указанной «тройке» произошедшая в Киргизстане в марте 2005 г. политическая катастрофа имела свою специфику и существенным образом отличалась от предшествовавших ей событий в Тбилиси и Киеве. Именно в Бишкеке до крайнего предела была доведена задача захвата власти любыми средствами. Правильное понимание сути дела дает возможность лучше разглядеть и объективно оценить характер действий сил, которые, захватив власть антиконституционным путем, в последующем несут на себе несмываемое родовое пятно. Государственный переворот в Киргизстане не опирался на широкую народную поддержку. Идейная база оппозиции была по-нищенски скудной, выражавшейся в основном в лозунгах «Долой!». Активная часть толпы, которая по подстрекательству главарей оппозиции пошла на штурм Дома правительства, состояла из зомбированных молодчиков, накачанных водкой и наркотиками. Наркобароны и лидеры организованной преступности на эти цели не поскупились. Совершенный в Доме правительства вандализм выплеснулся потом на улицы, где началась вакханалия с мародерством, погромами магазинов и поджогами автомобилей, нанесшими невосполнимый ущерб столичному бизнесу.

По моим собственным оценкам, организаторы мартовских событий были в высшей степени заинтересованы в силовом конфликте с властями с неизбежными человеческими жертвами, которые морально оправдывали бы их воинственные авантюристические устремления. Понимая, что такой поворот дела грозил перерастанием уличных беспорядков в кровавую гражданскую войну, я как президент Киргизстана, руководствуясь гуманистическими убеждениями, отдал в тот день свой последний приказ: «Не стрелять!»

Читатель законно может задать вопрос: почему известное своим многовековым свободолобием киргизское общество проявило пассивность, столкнувшись с актом государственного переворота? Этот вопрос относится прежде всего к моей собственной

позиции в те дни. В случае открытого противостояния двух сил дело обернулось бы национальной катастрофой вплоть до развала страны на Юг и Север. Это была альтернатива, категорически неприемлемая лично для меня как главы государства и в целом для интересов республики. Правители, как показала историческая практика, приходят и уходят. Нельзя ставить на кон судьбу народа – такова моя позиция. К тому же киргизское общество не было пассивным. Страну в течение последующих двух с лишним лет сотрясали политические неурядицы, массовые демонстрации с требованиями отставки новоявленного президента. В нескольких случаях манифестации в центре Бишкека едва не закончились очередным штурмом Дома правительства. Бывало, что судьба нового президента Бакиева буквально висела на волоске. Он смог удержаться в своем кресле в немалой степени путем насаждения в обществе страха, шельмования оппонентов, использования средств политического интриганства и вероломства, применения методов «кнута и пряника» и других циничных приемов. Беспрецедентной по низкопробности была кампания, развязанная против меня как первого президента. В ее основу наряду с политическими претензиями были положены также лживые измышления и инсинуации по имущественным делам.

Отслеживая послемартовскую пятилетнюю панораму событий в жизни Киргизстана, можно выделить несколько этапов. Первый из них относится к действиям нового президента по удержанию полученной власти за счет циничных сделок с криминальными авторитетами и наркобаронами, которые пытались «врать во власть», требовали свою долю государственного «пирога» за помощь и активное участие в госперевороте. На этом этапе Бакиев отбросил на обочину политического процесса, превратил в маргиналов большинство бывших соратников, шагавших рядом с ним во главе массовой манифестации 24 марта 2005 г. По стране прокатилась череда заказных убийств депутатов и видных общественных деятелей. Одному из лидеров оппозиции, экс-спикеру О. Текебаеву, спецслужбы подложили в авиационный багаж наркотики.

В Варшаве, куда он прибыл для участия в мероприятии ОБСЕ, ему, к счастью, удалось доказать свою невиновность, иначе экс-спикер надолго оказался бы за решеткой. Другого видного оппозиционера, бывшего министра иностранных дел А. Джекшенкулова, арестовали по сфабрикованному обвинению в соучастии в убийстве. Циничные провокации были совершены также в отноше-

нии членов моей семьи. Устрашающий элемент всех этих акций был очевиден.

На втором этапе Бакиев поставил более высокую задачу – консолидации своей власти. В феврале 2007 г. в отставку был отправлен премьер-министр Ф. Кулов, который как член предвыборного тандема Бакиев–Кулов после крайне сомнительных по своей демократической чистоте президентских выборов в июле 2005 г. как бы легитимировал принадлежавшее Бакиеву место в «дуумвиратном» управлении страной. Попытки отстраненного от власти Кулова перейти в оппозицию и возглавить антибакиевский «Народный фронт» были решительно пресечены. «Железный Феликс» был умело дискредитирован. Одна за другой с политического поля республики исчезли основные оппозиционные фигуры, ряд из которых был беззастенчиво подкуплен высокими государственными постами. Принятая осенью 2007 г. под нажимом Бакиева новая Конституция, вводя систему формирования парламента по партийным спискам, кардинально укрепила prerogatives главы государства. Поспешно созданная пропрезидентская партия «Ак Жол» по итогам выборов в декабре 2007 г. получила подавляющее большинство мест в Жогорку Кенеше (национальном парламенте). В итоге тот стал послушным придатком президентской администрации. Под ее полный контроль попали и судебная система, и основные средства массовой информации. В заключении Венецианской комиссии о конституционной ситуации в Киргизстане отмечалось: «Главная цель новой версии Конституции – это установление всеми возможными законными средствами бесспорного превосходства президента над всеми другими государственными ветвями власти. Это соответствует авторитарной традиции, которую Киргизстан пробовал преодолеть. Президент явно доминирует и появляется и как главный игрок, и как арбитр политической системы. Более того, если нет никаких законных ограничений на полномочия президента и у оппозиции немного возможностей быть услышанной, последствием может стать смена власти, основанная на революции, а не на мирной передаче власти».

23 июля 2009 г. состоялись досрочные президентские выборы. Как и ожидалось, победу на них одержал действующий глава государства. Начался новый отсчет в политической жизни республики – этап абсолютного укрепления власти Бакиева. Именно этот этап представляет наибольший интерес с точки зрения анализа пройденного республикой после госпереворота пути, исполнения

со стороны новой власти щедрых обещаний и реализации общественных ожиданий. Политические процессы в тот период шли калейдоскопически сложно, зигзагообразно, но в конечном счете, с точки зрения интересов Бакиева, вышли на уровень, сходный с торжествующим восклицанием Бориса Годунова в известной оперной партии: «Достиг я высшей власти!» За пару недель до президентских выборов (10 июля 2009 г.) Бакиев дал интервью газете «Известия», в заголовке которого стоял девиз: «Главный ресурс развития – согласие и диалог». Для тех, кто следил за делами в республике, эти бакиевские слова представляются крайне циничными. Человек, пришедший к власти в результате госпереворота, поставивший на дыбы всю страну, обрекший ее на перманентный политический кризис, вдруг превратился в смиренную личность, стал выступать с гуманистических позиций и грезить о согласии. Ресурс, о котором говорил глава государства, всецело предназначен для укрепления его личной власти. Революционная стихия ему больше не нужна.

Любой анализ положения дел в стране всегда начинается с экономики. В условиях глобального кризиса, когда рухнули процветавшие экономики США, Евросоюза, Японии и др., трудно представить, чтобы удержалась от крупных потерь и скольжения вниз экономика Киргизстана. Тем не менее выступления президента Бакиева о социально-экономическом положении страны – вопреки реалиям – звучат чуть ли не бравурно. Перед президентскими выборами 2009 г. он поднял пенсии и социальные пособия, заявил о росте экономики. Однако вот что писал известный политолог С. Кожемякин в независимой киргизской газете «Белый парус»: «Что сделано за четыре года нынешним режимом? Вопрос риторический... Доля промышленности в экономике неуклонно снижается. Особенно обвальными оказались первые месяцы 2009 г. По самому пессимистическому сценарию правительства, падение промышленного производства за первый квартал должно было составить не более 6,6%. Оказалось – почти 20. А вот импорт продовольственных товаров за тот же период возрос на 13%. Это значит, что собственная экономика все меньше может обеспечивать потребности граждан, что продовольственная безопасность трещит по швам... И дело не в мировом кризисе, как пытается уверить нас руководство. Не нужно искать причину за границей. Она внутри».

Осенью 2009 г. Всемирный банк опубликовал доклад, в котором содержался рейтинг стран по показателю простоты ведения

бизнеса. Киргизстан и Грузия оказались в этом списке на высоких местах, намного опередив Россию. Во время визита в Украину в ноябре 2009 г. президент Грузии М. Саакашвили бахвалился: «Мы были на 137-м месте по простоте ведения бизнеса. Сейчас на каком месте? На 11-м. На каком месте Россия? На 124-м. Перед нами Америка, Сингапур, Швеция, после нас – Финляндия, Исландия, Ирландия. То есть мы вошли в высшую лигу...» В России есть пословица: «Простота хуже воровства». Так и в данном случае: простота и в Киргизстане, и в Грузии, может быть, есть, нет лишь нормальной экономики, способной обеспечивать нужды общества. Откуда же тогда в Киргизстане берутся средства на пенсии и социальные пособия? Разумеется, не национальная экономика их зарабатывала. Ставка сделана на внешние источники. Как это не раз бывало в нашей истории, неизменной щедростью отличается Россия: безвозмездная грантовая помощь Москвы в 150 млн. долл. на поддержание бюджета и беспроцентный кредит в сумме 300 млн. долл. позволили Бакиеву выйти из критической ситуации, сохранить лицо. Еще более существенным фактором стали обязательства Москвы выделить почти 2 млрд. долл. на строительство Камбаратинских ГЭС. Это для президента настоящий спасательный круг.

О тайнах, скрывающихся за ширмой демократии

Подлинный глубинный смысл преобразований, проведенных президентом Бакиевым после марта 2005 г., проявился в полной мере лишь осенью 2009 г. 20 октября он огласил давно обещанную концепцию реформы государственного управления. Она действительно беспрецедентна. Упразднена Администрация президента, вместо нее создан Институт президента. В него вошли госорганы, непосредственно подчиняющиеся главе государства, – аппарат президента, его секретариат, Центральное агентство по развитию, инвестициям и инновациям, госсоветник по вопросам обороны, безопасности и правопорядка, а также государственный министр иностранных дел. Серьезно изменена структура правительства. Вместо Совета безопасности создано так называемое «президентское совещание». Характерно, что некоторые элементы реформы не вписываются в Конституцию. Для людей, понимающих реальную суть подобных преобразований, очевидно, что в руках президента в результате сосредоточивается неограниченная власть, особенно в условиях полного послушания парламента. Важнейшим

шагом главы государства стало назначение на пост премьер-министра своего давнего соратника – Д. Усенова, личная лояльность которого Бакиеву прошла после госпереворота убедительную проверку. В интернетовском материале «В чем же соль киргизстанских реформ?» один из экспертов, С. Чериков, 21 октября 2009 г. восклицал: «Предвижу моментальный и рудиментарный возглас: “Это же новый хан!”». Известный киргизский политолог Э. Байсалов в октябре минувшего года высказался так: «Объявленную президентом “реформу” можно назвать революционной только в том смысле, что она переворачивает, перекраивает и перепахивает всю систему государственной власти. Прикрываясь лозунгами об оптимизации системы управления и сокращении аппарата, К. Бакиев окончательно концентрирует власть в своих руках. Уже нет смысла говорить о суперпрезидентской республике – налицо внедрение в нашей стране квазимонархической системы управления».

Вопрос о собственности во всех постсоветских странах находился в переходный период в центре внимания. Решался он по-разному, без перекосов не обошлось. Но такого необузданного рвения, с которым команда Бакиева бросилась после госпереворота на дележ национальной собственности, пожалуй, не наблюдалось нигде. Уже в марте 2005 г. была создана специальная правительственная комиссия во главе с тогдашним вице-премьер-министром Д. Усеновым, которая под предлогом поиска мифического имущества экс-президента провела полную инвентаризацию национального достояния и определила «что где лежит», обозначив свои интересы. За прошедшие пять лет к рукам новой команды многое «прилипло», но немало и осталось. Сейчас, похоже, пришла пора этим распорядиться. Глубоко продуманным и далеко на будущее рассчитанным стало решение президента о включении Центрального агентства по развитию, инвестициям и инновациям в состав Института президента. Это агентство, по сути, становится главным во всей структуре власти в республике. Его значимость гигантски выросла в связи с назначением младшего сына президента по имени Максим на пост руководителя агентства. Это имя в Киргизстане сегодня уже стало нарицательным, его боятся произносить вслух. Вот что сказал по этому поводу известный киргизский эксперт М. Казакбаев 13 ноября в интервью ИА «REGNUM: Новости»: «В реформах нет системности, а те сдвиги, которые, без сомнения, есть, – это вовсе не реформы. Курманбек Бакиев сразу взял высо-

кую планку, потому что народ, совершивший революцию, требовал реформ. Бакиев принял правила игры, однако уже в течение пяти лет реформы не идут, поэтому последняя ставка, которую он выставляет на кон, – это его младший сын Максим. Фактически теперь реформы будет проводить Максим. И если он не справится, то вполне может случиться не то чтобы повтор революции, но стихийный “крестьянский бунт” точно. И это необходимо учитывать». В различных СМИ уже давно циркулируют материалы под громкими клише: «Младший сын президента Бакиева Максим и его друзья осуществили финансовый захват Киргизии». К этому подверстываются оценки относительно того, что «в свои тридцать с небольшим лет младший сын президента Киргизии обладает властью, едва ли не большей, чем его родитель. За очень короткое время Бакиев-младший построил собственную финансово-промышленную империю».

В сложившемся ныне в республике тревожном положении дел в экономической и финансовой сферах надо искать главный ответ на вопрос: Сбылись ли ожидания киргизского общества после прихода к власти президента Бакиева? Приватизация бакиевским кланом государственной власти вызывает резкий протест. И на высший пост избирали в конце концов не его младшего сына, который, по существу, стал в стране бесконтрольно верховодить. А ведь у Бакиева есть еще один сын и семь братьев, занимающих ответственные государственные посты. Один из них – посол в Германии, другой стал даже руководителем Службы государственной охраны, подмяв под себя все спецслужбы страны. Еще более опасным последствием происходящих в стране перемен стала перспектива наследственной передачи власти от отца к сыну. Система ханской, квазимонархической власти автоматически предполагает сохранение власти за семейным кланом, прорвавшимся тем или иным, особенно силовым, путем к управлению государством. В действиях, ныне осуществляющихся Бакиевым, эта «ханская» линия прослеживается отчетливо.

О «флюгерной» дипломатии

По собственному президентскому опыту знаю, с каким вниманием киргизское общество относилось к проблемам внешней политики, с каким воодушевлением оно приветствовало, например, каждый новый шаг в развитии киргизско-российских отношений.

Беспримерным в постсоветской истории стало подписание в июле 2000 г. в Кремле на уровне президентов Декларации о вечной дружбе, союзничестве и партнерстве между Киргизстаном и Россией. Горжусь, что под тем документом стоит моя подпись. За плечами наших братских народов века дружественных отношений. 225 лет назад наши мудрые предки отправили дипломатическую миссию к российской императрице Екатерине Великой с просьбой принять киргизов в российское подданство. Речь шла о национальном выживании перед лицом опустошительных иноземных нашествий. Российская поддержка охладила горячие головы любителей поживиться за счет нашего народа. Второй раз критически важная спасительная помощь России пришла в 1920-е годы, когда происходило большевистское административно-территориальное размежевание в Средней Азии. Включение на первых порах Киргизской автономной области в состав РСФСР спасло малый киргизский народ от растворения в общетуркестанской среде.

Метаморфозы же, происходящие в настоящее время в киргизской внешней политике, вызывают у меня тревогу. Размывается ориентир на прочную дружбу с Россией, не зависящую от конъюнктурных факторов. В поисках выгоды в Бишкеке совершаются колебательные движения между Россией и США. Проверкой внешнеполитических ориентиров новой власти стала ситуация вокруг американской авиабазы «Манас», дислоцированной на территории Киргизстана. Решение о закрытии этой базы, объявленное президентом Бакиевым на саммите Шанхайской организации сотрудничества и подтвержденное официальным решением национального парламента, вскоре было аннулировано. База осталась на прежнем месте под «фиговым» прикрытием. Причиной президентского разворота на 180 градусов стал щедрый американский финансовый «откат», по всей видимости, очень выгодный семейному клану Бакиева. По отношению к России это было явным вероломством. Киргизы всегда были благородным народом, союзников не предавали и не продавали. Получилось, что США как бы перекупили Киргизстан.

Мое внимание в связи с этим привлекло интервью известного эксперта Г. Мирзаяна, опубликованное в ноябрьском выпуске российского журнала «Эксперт» за 2009 г. Он считает: «Что касается Киргизии, то мы дали им более 2 млрд. долл. за то, чтобы они убрали со своей территории американскую базу. Подписали ряд документов, даже заплатили часть денег вперед. Но киргизское руко-

водство базу не убрало, взяло деньги у американцев – и более того, требует от нас вторую часть денег, на все наши возражения отвечая, что это не база, а центр. Такое вот примитивное, циничное влияние. Они в итоге получают деньги и от нас, и от Запада». Со своей стороны нынешнюю дипломатию Киргизстана я определяю как «флюгерную», поворачивающуюся по-торгашески угодливо в сторону тех, кто больше даст. Позорная инвектива очевидна.

В анализе происшедших в последнее пятилетие провалов в жизни Киргизстана можно было бы пройтись и по многим другим направлениям. Возьмем хотя бы проблему энергоснабжения. Именно в бакиевские годы жители столицы и других киргизских городов со страхом ждут зимы. Систематические отключения электроэнергии, перебои со снабжением газом создают для них бедственные условия. Объявленное властями намерение резко, чуть ли не в 10 раз, повысить в предстоящий период тарифы на тепло и электроэнергию, поставят подавляющую часть населения перед катастрофой.

По совокупности всех признаков и особенностей современного развития Киргизстана я прихожу к заключению о строительстве в стране за ширмой демократии ханской системы. Линия на закрепление в Киргизстане клановой, семейной власти проявляется со всей очевидностью. От бывшего благополучия через череду провалов к откровенной автократии – таким оказался пятилетний дрейф республики. В этом ли состояли ожидания народа после мартовских событий 2005 г.? Несмотря на столь мрачные оценки нынешней киргизстанской действительности, я остаюсь оптимистом в отношении перспектив развития родной республики. У Киргизстана трудная историческая судьба, современные испытания не обошли его стороной. В истории многих народов бывали тяжелые времена, взлеты и провалы, но они находили пути к достойному выходу из, казалось бы, тупиковых ситуаций. Абсолютно убежден, что в XXI в. проект создания киргизского ханства с наследственной властью не пройдет. Курс на развитие демократии, на позитивные преобразования, взятый в годы первого президентства, одержит верх. Демократическая волна набирает в мире все более мощный импульс, она не обойдет Киргизстан стороной. Будучи неразрывно соединенным с республикой множеством связей, я отчетливо вижу, как из-под нынешнего гнетущего пресса пробиваются животворные родники, вырастают новые силы, которые никогда

не примирятся с возвращением страны к средневековому ханскому устройству национальной жизни. На них надежда.

«Свободная мысль», М., 2010 г., № 2, с. 27–40.

Зарина Дадабаева,

доктор политических наук (ИЭ РАН)

ТАДЖИКИСТАН: ПОТЕНЦИАЛ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

После распада СССР страны Центральной Азии официально придерживаются принципа нерушимости границ. Такое решение было закреплено в августе 1993 г. подписанием Казахстаном, Российской Федерацией, Таджикистаном, Киргизстаном и Узбекистаном Декларации, в которой стороны заявили о коллективной ответственности за неприкосновенность границ с третьими государствами и о неприкосновенности новых границ. Однако на практике перед государствами Центрально-Азиатского региона стоит ряд трудно решаемых пограничных проблем и противоречий, которые существенно осложняют политические и торгово-экономические связи между ними. Незавершенная делимитация и демаркация «внутренних» границ между центральноазиатскими государствами, с соблюдением интересов приграничных этносов, существенно затрудняет приграничное сотрудничество.

После объявления независимости Таджикистана остро встал вопрос определения и обустройства новых государственных границ республики. Становление новой государственности потребовало оформления территориальных рамок действия суверенитета и введения пограничного режима, обеспечивающего необходимый уровень безопасности страны. Превращение административных границ в государственные создало многочисленные узлы межгосударственных противоречий. На западе и севере республика граничит с Узбекистаном (протяженность границ 1161 км) и Киргизстаном (911 км), на востоке – с Китаем (522 км), на юге – с Афганистаном (1387 км). Небольшая территория Афганистана, составляющая по ширине от 15 до 65 км (Ваханский коридор) отделяет Таджикистан от Индии и Пакистана. Все области Таджикистана являются приграничными. Из 59 административных районов 26 являются пограничными, но только в 19 из них действуют пограничные пункты пропуска (ППП) и осуществляется транспортное сообщение. Наи-